

УДК 93(045)

**ПОЛКОВОДЕЦ И ЕГО ВОЙСКО: ВОЕННОЕ ЛИДЕРСТВО В ДРЕВНЕМ РИМЕ
(ПОЗДНЯЯ РЕСПУБЛИКА – РАННЯЯ ИМПЕРИЯ)***канд. ист. наук, доц. С.В. ТЕЛЕПЕНЬ**(Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина)*

Статья посвящена анализу военного лидерства в Древнем Риме как социально-культурного явления. В работе исследуются механизмы функционирования данной формы воздействия полководца на его войско. Приводятся мнения ученых, исследовавших данную проблему, на содержание и характер римской системы управления войском, профессиональной подготовки и отбора представителей нобилитета для продвижения на командные посты. Особое внимание уделяется такому явлению, как личный пример полководца. Формулируется вывод о том, что в римском войске личный пример полководца всегда относился к важнейшим и наиболее эффективным средствам обеспечения военного лидерства. Восприимчивость солдат к такому поведению императора и, соответственно, практическая ответственность этого средства основывалась прежде всего на том, что военный лидер в этом случае непосредственно апеллировал к чувству чести своих солдат, активизируя присущий им дух состязательности, добиваясь самоотверженности воинов в самых трудных ситуациях.

Введение. В современном антиковедении достаточно большое место занимает изучение проблем римской военной истории, в частности истории римской военной организации. Значительно меньше места уделяется анализу особенностей римского военного лидерства. Понятие «военного лидерства» здесь видится более приемлемым, чем, например, «военное командование», ввиду нехарактерности для римского войска рассматриваемого периода (поздняя Республика – ранняя Империя) присутствия профессиональных командиров рангом выше центуриона. Так, по словам А. Джоунза, в период раннего принципата, «офицерский корпус... сохранял свой прежний любительский характер» [1, р. 115]; Р. Смит же писал, что командиры в постоянной армии, реформированной Августом, были гораздо меньшими профессионалами, чем легионеры [2, р. 65]; А. Паркер даже высказал мнение, что победы римской армии обеспечивались солдатами вопреки присутствию высших командиров [3, р. 188]. Наиболее последовательно тезис о принципиальном дилетантизме римского военного руководства был акцентирован в работе Д. Доусона. Автор указывает, что классические города-государства вообще были привержены принципу любительского руководства, поскольку ротация на должностях была следствием античных представлений о гражданстве [4, р. 150].

В современном антиковедении оформилась иная точка зрения на уровень профессиональной компетенции римских высших командиров. В частности, по мнению Я. Ле Бозка, римские военачальники эпохи принципата были достаточно подготовлены для осуществления военного лидерства всей системой римского аристократического воспитания [5, с. 270; 387].

Однако даже в случае принятия аргументации Я. Ле Бозка мы едва ли сможем отказаться от той идеи, что римские командиры высшего ранга были вынуждены руководствоваться не столько профессиональными знаниями, сколько навыками, присущими активным участникам политической жизни полиса, то есть личным влиянием и личным авторитетом. Проблема механизмов такого воздействия полководца на войско и является предметом нашего исследования.

Основная часть. В период принципата, как и в республиканскую эпоху, основополагающим критерием для занятия высших должностей в военной иерархии оставался соответствующий социальный статус [6, р. 448]. Например, Цицерон в одной из «Филиппик» говорит о знатном происхождении как об одном из оснований для назначения М. Брута и Г. Кассия командующими армиями для ведения войны против Долабеллы (Сic. Philip. XI.11.27). Плутарх и Тацит, давая характеристику, соответственно, Марку Антонию и Германику, даже ставят знатное происхождение на первое место среди присущих им качеств (Plut. Ant. 43.4-5; Tac. Ann. II.13.1). У Диона Кассия со всей определенностью подчеркивается, что высшие командные должности следует доверять настоящим аристократам (Dio Cass. LII.14.1). Примечательна аргументация Диона: во-первых, малообразованные и низкородные люди никогда не могли совершить ничего выдающегося, а во-вторых, и сами солдаты, имея командиров из таких людей, не будут уважать себя (Dio Cass. LII.8.6-7).

В целом отсутствие знатности воспринималось и отдельными людьми, и общественным мнением как некая ущербность. Такое восприятие отнюдь не удивительно в римском обществе, где древнее уважение к знатному происхождению, связанному с определенным комплексом прав и обязанностей, было исключительно устойчивым [7, с. 24]. Однако сама знатность не обладала бы такой значимостью в качестве признака военного лидера, если бы не была связана с соответствующим воспитанием. Военная деятельность в Древнем Риме издревле считалась важнейшим и наиболее почетным занятием для настоящего римлянина, и в первую очередь для нобилитета. Этим во многом определялась милитаристская сущность и направленность всей древнеримской культуры и идеологии [8, р. 25 – 37].

Доусон в свою очередь определяет римский милитаризм как в высшей степени элитарную форму гражданского милитаризма (*a highly elitist form of civic militarism*) [4, p. 113].

Специфическим характером отличалось и римское понимание военной науки, путей и методов приобретения военных знаний. В традиционной римской системе воспитания и образования (как в ее частно-семейной, так и общественно-государственной формах) военная подготовка в ее чисто практических аспектах, как и сама военная служба, всегда занимала исключительно важное место [9, с. 93 – 96]. В раннем Риме это касается прежде всего знатного римского юношества, которому со временем предстояло, отслужив положенное число военных кампаний (*decem stipendia*), занять высокие государственные должности. Первоначально, как заметил еще Г. Ферреро, «единственной военной школой в Риме была древняя аристократическая фамилия, с ее прежней строгостью нравов. Традиционализм и милитаризм были тогда одно и то же» [10, с. 615]. Вместе с тем воспитание воинских качеств и военное обучение представителей римской знати во все времена истории Рима были неразрывным образом взаимосвязаны с целым комплексом тех идеологически значимых представлений, которые в своей совокупности образуют римскую идеологию военного лидерства. Центральное место среди них, бесспорно, занимает всеобъемлющая категория *virtus* (неотделимая, по мнению Р.Л. Мур, от *vultus* – внешнего выражения *virtus*) [11, p. 193 – 217].

Прежде всего надо отметить, что практически на всем протяжении римской истории – буквально от Ромула (*Plut. Rom. 16; 20; 25*) и вплоть до времен поздней Империи – искусное владение оружием и прочими воинскими умениями в источниках оцениваются как в высшей степени необходимое качество не только простых воинов, но и военачальников. Многие знаменитые римские полководцы с ранней юности усердно закаляли себя, занимались упражнениями с оружием и верховой ездой, осваивая воинские навыки и умения. В их числе можно назвать деятелей самых разных эпох римской истории: Марция Кориолана (*Plut. Cor. 2.1-2*), Валерия Корва (*Liv. VII.33.1-2*), Катона Старшего (*Plut. Cato Mai. 1; Veget. II.3*), Гая Мария (*Plut. Mar. 20*) и многих других.

Интересно, что во многих характеристиках воинское искусство того или иного лица сопоставляется с его познаниями в благородных науках и оценивается с тем же положительным знаком. Так, по словам Плутарха (*Cato Mai. 1*), Катон Старший, добившись выдающихся успехов на поприще судебного защитника и публичного оратора, не слишком высоко ценил эту славу, отдавая безусловное предпочтение славе, добытой в битвах с врагами, и «желая снискать уважение прежде всего воинскими подвигами в такой степени, что еще мальчишкой весь был разукрашен ранами, меж которыми не было ни единой, нанесенной в спину». Плутарх также замечает (*Gracch. 22 (1)*), что Гай Гракх владел оружием не хуже, чем тонкостями права. Известно, что и Юлий Цезарь при высочайшем уровне образованности не только замечательно владел конем и оружием (*Suet. Div. Iul. 57*), но даже во время одной из кампаний гражданской войны самолично, подобно ланите в гладиаторской школе, обучал своих солдат новым боевым приемам ([*Caes.*] *V. Afr. 71.1*). Светоний, подчеркивая разносторонность образованности Германика и Тита, указывает наряду с их литературными и прочими дарованиями прекрасное владение оружием (*Suet. Cal. 3.1-2; Tit. 3.2*). Характерно, что в целом ряде текстов искусное владение воинскими умениями прямо рассматривается как очень важное и даже неотъемлемое качество хорошего военачальника. Показателен в этом плане так называемый «Панегирик Мессале», который посвящен легату Августа и включается в IV книгу стихотворений Тибулла ([*Tibul.*] *IV. 1.82-106*). Здесь наряду с собственно полководческими умениями и достоинствами (правильное расположение лагеря, применение различных видов боевых построений и т.п.) восхваляются и такие качества, как меткость стрельбы из лука, ловкое владение различными видами оружия и искусство верховой езды.

В эпоху Империи искусное обращение с оружием и занятия военными упражнениями часто, и почти всегда как положительное качество, фигурируют в характеристиках императоров. Весьма примечательно, что Плиний Младший расценивает участие Траяна в военных упражнениях вместе с солдатами на лагерном плацу как возвращение к отеческому обычаю и отеческой доблести, сравнивая его в этом отношении с древними Фабрициями, Сципионами и Камиллами (*Plin. Pan. 13.4: Hac mini admiratione dignus imperator non videretur, si inter Fabricios et Scipiones et Camillas talisesset... unum ex omnibus patrio more, patria virtute laetari...*). В этот период военная подготовка (*campestres exercitationes*) знатного юношества, в том числе и членов императорского дома, отнюдь не сошла на нет и в значительной мере сохраняла свою значимость и высокий престиж [12, s. 161]. В подтверждение можно указать на так называемые Троянские игры (*ludicrum, lusus Troiae*), во время которых мальчики из самых благородных семейств демонстрировали искусство верховой езды и устраивали потешные бои (*Suet. Div. Iul. 39.2; Aug. 43.2; Tib. 6.4; Nero. 7.1; Tac. Ann. XL1.2*). Следует отметить и тот факт, что, подобно Марсову полю в Риме, в италийских и во вновь основанных римлянами провинциальных городах, воспроизводивших городскую структуру столицы, имелись свои *campi*, предназначенные для спортивных и военно-прикладных тренировок местной знатной молодежи. Весьма вероятно, что именно Август, старавшийся активнее привлекать к военной службе *filii adulescentes* из всаднического сословия и муниципальной элиты, реанимировал в Италии и провинциях молодежные коллегии (*collegia iuvenum*), которые пришли в упадок к концу Республики.

О том, что военные науки и подготовка продолжали рассматриваться в императорском Риме как важная составная часть образования знатного римлянина, свидетельствует и пассаж из биографии Александра Севера, в котором сообщается, что он с раннего детства хорошо усвоил благородные науки как гражданские, так и военные (*artibus bonis inbutus tam civilibus quam militaribus*), не пропуская по возможности ни одного дня, чтобы упражняться в научных занятиях или военном деле (*ad militiam exerceret*) (SHA. Alex. Sev. 3.1).

Таким образом, воинская выучка, достигавшаяся постоянными военными упражнениями и рассматривавшаяся как один из ключевых факторов римских побед (Veget. I.I), представляла собой также и неотъемлемый компонент той воинской доблести (*bellica virtus*), которая была главным, концентрированным выражением всех нравственных и «профессиональных» достоинств настоящего римского полководца.

Что касается представления римлян о содержании общих и конкретных знаний, необходимых полководцу и составлявших военную науку (*scientia rei militaris*), то в наших источниках она неоднократно упоминается в позитивном контексте. Так, в четырехчленной формуле основополагающих качеств выдающегося полководца, которую раскрывает Цицерон в речи «О предоставлении империя Гн. Помпею», *scientia rei militaris* занимает первое место среди других качеств (Cic. De imp. Gn. Pomp. 10. 28). Как полководца, обладающего удивительным знанием военного дела, характеризует Юлиа Цезаря автор «Африканской войны» (B. Afr. 31.4: *mirabili peritus scientia bellandi*). А в «Александрийской войне» подобных отзывов удостоиваются военачальники Цезаря Карфулен и Габиний (B. Alex. 31.1: *et animi magnitudine et rei militaris scientia virum praestantem*; 43.1: *virtute et scientia sua confectus, qua saepe in bellis periclitatus magnas res et secundas ductu auspicio suo gesserat*). Глубокое знание военного дела (*militiae magna scientia*), наряду с морально-волевыми качествами, отмечает Саллустий в Гае Марии, подчеркивая, что у него в избытке были все достоинства, за исключением древности рода (B. Jug. 63.2).

В источниках императорского времени в характеристиках полководцев также нередко указывается на познания и опыт в военном деле. Например, во времена правления Нерона в этом отношении между собой соперничали Светоний Паулин и Корбулон (Tac. Ann. XIV. 29. 2). Император Адриан был, по свидетельству его биографа, выдающимся знатоком оружия и военного дела (SHA. Hadr. 14.10: *armorum peritissimus et rei militaris scientissimus*). Как в высшей степени достохвальное качество *rei militaris scientia* отмечена в характеристике императора Проба (SHA. Prob. 12.2). Характерно, что понятие *scientia* в этих отзывах по своему значению явно сближается с понятием практической опытности, которое и само по себе не менее, а может быть и более, часто фигурирует в похвальных оценках военачальников. Например, в известной элогии в честь Фабия Максима Кунктатора сказано, что он считался самым осторожным и опытным в военном деле полководцем своего времени (ILS 56: *Dux aetatis suae cautissimus et re militaris peritissimus habitus est*). Эпитет *peritus* или понятие *usus*, например, используется Цицероном, чтобы подчеркнуть достоинство того или иного военного деятеля. В характеристике Фонтя оратор, отмечая древность его рода, честность и неподкупность, исключительный ум и мужество, особо выделяет его полководческий опыт (Cic. Pro Font. 18.41: *vero usu quoque bellorum gerendorum in primis eorum hominum, qui nunc sunt, exercitatus*). Аналогичные характеристики имеются и у других авторов. По словам Цезаря, П. Консидий был человеком, *qui rei militaris peritissimus habebatur* (B. Gall. 1.21.4), а легат Каниний Ребил отличался тем, что *magnum usum in remilitari sciebat* (B. Civ. II.34.4). Легатов Помпея в Испании М. Петрея и Л. Афрания Цезарь именует *summissos duces rei militaris peritos* (B. Civ. I.85.6; ср. о них же в III.73.3: *peritissimis atque exercitatissimis ducibus*).

Приведенные примеры свидетельствуют, что в римских источниках знания и опытность в военном деле непосредственно сопоставляются с достоинствами морального толка и имеют явно выраженные ценностные установки.

В военном образовании римских военачальников использовались все три способа, называемые Полибием: и чтение исторических сочинений, и обучение у людей опытных и сведущих, и, наконец, непосредственное участие в военных предприятиях (Polyb. XI.8. 1-2). Однако теоретическое, книжное изучение военного дела в Риме никогда не было каким-либо образом институционализировано, оставаясь, по существу, делом необязательным и сугубо добровольным. К командованию воинскими частями и армиями римские нобили готовились всей системой аристократического воспитания, включавшего со времени Поздней республики и общее гуманитарно-риторическое образование, и физическую подготовку военно-прикладной направленности, но главное, постигали военную науку на собственном опыте, имея при себе в качестве наставников и экспертов таких истинных профессионалов, какими были центурионы, и проходя последовательно через различные командно-административные должности, начиная с военного трибуната, на которой молодые нобили учились, по словам Плиния Младшего, *imperare parendo, duces agere dum sequuntur* («привыкая распоряжаться, повинуюсь, и предводительствовать, следуя за вождем») (Epist. VIII.14.4).

Однако в сплочении частей и подразделений римской армии первостепенную роль играли узы воинского товарищества, которое вместе с тем рассматривалось как важнейшая моральная ценность. Аксиологическое значение воинского товарищества находит отражение и в идее боевого «соратничества» (*commilitium*) императора и его солдат. Эта идея, как показал Б. Кэмпбелл, была одним из ключевых идео-

логических компонентов во взаимоотношениях полководца и войска и целенаправленно пропагандировалась многими принцепсами в целях обеспечения лояльности армии [13, p. 36 – 59]. Среди разнообразных средств воплощения этой идеи особого внимания заслуживает такой стиль поведения, который связан с личным примером полководца в ратных трудах и опасностях. Данная модель поведения полководца была глубоко укоренена в римских военных традициях и всегда сохраняла свое значение как средство морально-психологического воздействия на войско. В императорский же период, когда доблесть выдающегося полководца стала, по сути, монополией принцепса, такой *modus agendi* можно отнести к важнейшим элементам «демонстративной стилизации принцепса под первого воина империи» [14, с. 543] и рассматривать как один из феноменов, непосредственно связанных с понятием «социокультурного способа властвования».

Соответствующая модель поведения полководца (императора) являлась и одним из средств легитимизации власти лидеров гражданской общины. В общем плане на этот момент обратил внимание М. Финли, отметив, что в греческом и римском обществах повиновение лидерам общины зависело, помимо прочего, от их непосредственного участия в военных действиях [15, p. 25]. Подчеркивается этот момент и в некоторых специальных исследованиях. Так, С. Оукли указал, что состязательный характер римской политической жизни в эпоху Республики требовал, чтобы лидеры, претендующие на власть, доказывали свою воинскую доблесть, сражаясь в рукопашных поединках [16, p. 403]; Т. Видеманн пишет также о том, что римские политики состязались не только со своими современниками, но и с предшественниками, и для легитимизации своего положения должны были делать то же, что и они, демонстрируя, в том числе, свои воинские качества [17, p. 92].

Но римское представление о достойном и доблестном командовании, о соратничестве полководца и солдат этим не исчерпывалось. Следует обратить внимание на то, что идея воинского товарищества императора и его солдат подчеркивалась соответствующим обращением к воинам в речах полководцев. Обращение к воинам как к соратникам (*commilitones*), особенно часто используемое во время гражданских войн, несомненно несло серьезную смысловую нагрузку, акцентируя единство командующего и войска. В этом плане примечательны сообщения источников об отношении к такому наименованию Юлия Цезаря и Октавиана Августа. Цезарь сознательно использовал в обращении к солдатам слово «соратники», чтобы этим наименованием, показывающим равенство, возбудить в них готовность к перенесению опасностей (*Polyaen. VIII.23.22*; ср. *Suet. Iul. 67.2: blandiore nomine «commilitones» appellabat*). Напротив, основатель принципата, хотя сам раньше использовал такое обращение, после утверждения у власти принял специальные меры, чтобы искоренить его из практики общения с воинами (*Suet. Aug. 25.1*). Однако с начала II века наименование воинов соратниками не только утверждается в практике устных обращений императоров, но и становится фактически синонимом слова *milites* (*Plin. Epist. X. 52; 100*). Спустя столетие Каракалла не только сам обращается к воинам как к соратникам, но и прямо высказывает желание, чтобы они называли его своим боевым товарищем (*Herod. IV.7.6*). Авторы «Истории Августов» вкладывают в уста полководцев, выступающих перед солдатами, такие выразительные обращения: *mei contubernales et commilitones* (*Alex. Sev.53.7*); *socrati commilitones immo etiam mi consecranei* – «священные мои соратники, связанные со мной одной присягой» (слова Максимиана Фракийца – *Gord. 14.1*); *sanctissimi commilitones* (*Tac. 8.3; 5*).

Следует иметь в виду, что мысль о единстве солдат и полководца (императора) как соратников является вполне традиционной для римской идеологии и само это единство предстает в определенных контекстах как некий возвышенный идеал. В этом отношении показательна «программная» речь Мария в «Югуртинской войне». Заявляя, что ему хорошо знакомы все стороны воинской службы, Марий называет полезным и достойным гражданина командованием (*hoc est utile, hoc civile imperium*) такое, когда военачальник на равных разделяет с подчиненными все тяготы и труды, и подчеркивает, что самому предаваться роскоши, а войско подвергать мучениям – значит, быть властелином, а не полководцем (*B. Iug. 85.33-35*). Подтверждением традиционности этой установки может служить поведение такого образцового приверженца староримских нравов, как Катон Младший (*Plut. Cato Min. 9; Lucan. Phars. IX. 587*). Вполне возможно, что и Плиний Младший, восхваляя в «Панегирике» военные качества Траяна, следует достаточно давней традиции, когда подчеркивает, что еще прежде, чем стать императором, тот был для своих воинов соратником и продолжает им оставаться, соединяя в своем лице и императора, и боевого товарища (*Pan. 15.5 – 6*). По словам Тацита (*Hist. II.5.1*), Веспасиан всем, кроме алчности, был подобен древним полководцам – и предусмотрительностью, и личным мужеством в бою, и тем, что простотой пищи, одеждой и привычками почти не отличался от простого солдата (ср. *Plut. Cato Min. 9.5; Sall. B. Iug. 28.5*).

Характеризуя данную традицию, Плутарх пишет: «Для римских солдат самое приятное – видеть, как полководец у них на глазах ест тот же хлеб и спит на простой подстилке или с ними вместе копает ров и ставит частокол. Воины восхищаются больше всего не теми вождями, что раздают почести и деньги, а теми, кто делит с ними труды и опасности, и любят не тех, кто позволяет им бездельничать, а тех, кто по своей воле трудится вместе с ними» (*Mar. 7*).

Таким образом, личный пример полководца явно выделяется среди прочих способов воздействия на подчиненных. В некоторых случаях он может даже противопоставляться обычным дисциплинарным

средствам. Например, у Ливия (VII.32.12) М. Валерий Корв перед сражением с самнитами призывает воинов: «Пусть... не слова мои вас ведут, а дела, и не только подчинение дисциплине, но и мой пример» (*pec disciplina modo, sed exemplum etiam*). Катон Младший, по словам Лукана (*Phars.* IX. 587), во время тяжелого похода в Африке «не приказом, примером» учит воинов переносить тяготы. Как мы уже отмечали, Адриан, среди прочих средств укрепления дисциплины, оказывал на воинов влияние примером собственной доблести и выносливости, проходя вместе с ними по 20 миль в полном вооружении (*SHA. Nadr.* 10.1 и 4: *exemplo virtutis suae, tolerantiae documentis*). Септимий Север в походе шел с непокрытой головой среди бурь и снегов, как пишет Геродиан (III.6.10), «поддерживая своим примером твердость и мужество своих воинов, так что они терпели усталость не только из страха или чувства долга, но подражая императору и соревнуясь с ним».

Еще более важным и ценным качеством полководца-соратника, с точки зрения простых солдат, была его готовность разделить с войском все труды – от упражнений с оружием, пеших маршей в полном вооружении до земельных работ – и умение, первенствуя в них, не умалить в то же время авторитет вождя. Цицерон в речи в защиту Л. Мурены (18.38), говоря о большом влиянии на выбор консулов мнения солдат о кандидате, приводит в числе прочих аргументов от лица воинов и такое заявление: «Он никогда не ставлял солдат переносить больше труда, чем брал на себя сам, он столь же храбр, сколь и удачлив».

По неписаному правилу, полководец, как и все командиры, должен был служить образцом также и в военных упражнениях воинов, превосходно владея всеми боевыми умениями, никому не уступая в ловкости и силе, возбуждая этим в воинах «пыл подражания», *imitationis ardor* (*Plin. Pan.* 13.1-4).

Совокупность приведенных примеров позволяет говорить об устойчивых традициях прямой причастности военного лидера к суровым реалиям военной жизни. Это, как никакое другое средство, могло наглядно подчеркнуть «императивность» воинской дисциплины, героизируя воинский быт со всеми его атрибутами и создавая особые узы между командующим и солдатской массой.

Особое отношение к личному участию полководца в бою обнаруживается в высказываниях римских авторов. Явное одобрение вызывает у большинства из них совмещение «обязанностей смелого воина и доблестного полководца» (*strenui militis et boni imperatoris officia*) (*Sall. Cat.* 60.4). Например, Цезарь высоко оценивает действия своего легата Л. Котты, который «поспевал всюду, где этого требовало общее благо, обращался со словами ободрения к солдатам и, лично участвуя в бою, исполнял одновременно обязанности полководца и солдата» (*B. Gall.* V.33.2). Цицерон восхваляет консулов Пансу и Гирция за их действия против Марка Антония под Мутиной, называя первого, сражавшегося в передовых рядах и дважды раненного, прославленным императором, а о втором, который в бою сам нес орла легиона, говорит как о доселе невиданном прекрасном образе императора (*Phil.* XIV.26; 27). По сообщению Светония (*Aug.* 10.4), Октавиан, не отличавшийся ни физической силой, ни храбростью, во время этой же войны исполнил обязанности не только полководца, но и простого солдата (*non modo ducis, sed etiam militis functum munere*): взяв у раненного знаменосца орла, он долго носил его на своих плечах. Во время Иллирийской кампании Октавиан также принимал личное участие в бою и был дважды ранен, один раз при штурме стен Метула, когда он сам бросился вперед с немногими спутниками и телохранителями, заставив войско устыдиться и последовать за ним (*App. Illug.* 20; 27; *Flor.* II. 12.7; *Suet. Aug.* 20.1; *Plin. N.H.* VII. 148). Согласно Тациту (*Hist.* III. 17.1), Антоний Прим во время яростного сражения «не упустил ни одной обязанности твердого полководца и храброго солдата» (*nullum... constantis ducis aut fortis militis officium omisit*).

Подобного рода эпизоды известны в биографии многих римских императоров и военачальников – и наиболее выдающихся (Сципионов Старшего и Младшего, Катона Старшего, Мария, Суллы, Цезаря, Веспасиана, Тита, Агриколы, Траяна, Септима Севера, Максимиана Фракийца, Константина I, Юлиана), и менее прославленных, как, например: консул 202 года до н.э. Сервий Гемин Пулекс, который 23 раза участвовал в поединках, бросая вызов врагу (*Liv.* XLV.39.16), претор 185 года до н.э. Кальгурний Пизон (*Liv.* XXXIX.31.8-9) или Петий Цериал, подавлявший восстание Цивилиса в Галлии в 70 году н.э. (*Tac. Hist.* IV.77). По свидетельству Плутарха (*Sert.* 4), Серторий, начальствуя над войсками, творил в бою чудеса, не щадил себя в сражениях, в одном из которых даже потерял глаз. Также и Проб, по словам Зосимы (1.67.3), неистово сражался в битвах, идя в бой в первых рядах.

Заключение. Рассмотренные свидетельства позволяют сформулировать следующие выводы. В римском войске личный пример полководца всегда относился к важнейшим и наиболее эффективным средствам обеспечения военного лидерства. Восприимчивость солдат к такому поведению императора и, соответственно, практическая действенность этого средства основывалась прежде всего на том, что военный лидер в этом случае непосредственно апеллировал к чувству чести своих солдат, активизируя присутствующий им дух состязательности, добиваясь самоотверженности воинов в самых трудных ситуациях. Вместе с тем, наглядно воплощая воинские доблести и императивы воинской дисциплины и долга, такая модель поведения полководца имела знаковый смысл, часто носила характер архаизирующей стилизации, сознательно ориентированной на героические образы римской древности. Когда сам полководец-аристократ, недостижимый в величии своего благородного статуса, брал на себя обязанности простого

солдата, делил с войском опасности и труды, он не просто уподоблялся рядовому воину, но возвышал солдатскую службу до служения и возводил солдатские доблести в ранг высокого идеала. Такой стиль общения с войском в определенном отношении отменял общественную иерархию, создавая особые личные узы между командующим и войском, на деле превращая полководца в соратника, боевого товарища простых солдат. Как справедливо замечает А.В. Махлаюк, «в этом случае риторика обращений военного вождя к солдатам непосредственным образом соотносилась со своеобразной риторикой поступка, жеста: сама манера поведения становилась дискурсом, раскрывающим код воинской этики» [18, с. 460]. Очевидно, что в военной сфере деятельности представителей римского нобилитета проявлялись те же поведенческие установки, что и в их взаимоотношениях с гражданским коллективом квиритов в целом. Тем самым военное лидерство в Древнем Риме периода поздней Республики – ранней Империи предстает в качестве продолжения политического и гражданского авторитета полководца, выражением его харизмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jones, A.H.M. Augustus / A.H.M. Jones. – L.: LUP, 1970. – 430 p.
2. Smith, R.E. Service in the post-Marian Roman army / R.E. Smith. – Manchester: Publ. Fac. of Arts of the Univ. of Manchester. IX, 1958. – 159 p.
3. Parker, H.M.D. The Roman Legions / H.M.D. Parker. – 2-nd ed. – N. Y.: Publ. press., 1958. – 399 p.
4. Dawson, D. The Origines of Western Warfare. Militarism and Morality in the Ancient World / D. Dawson. – Boulder; Oxford: Westview Press, 1996. – VIII, 203 p.
5. Ле Бозк, Я. Римская армия эпохи ранней Империи / Я. Ле Бозк; пер. с фр. – М.: РОСПЭН, 2001. – 400 с.
6. Barnes, T.D. Who Were the Nobility of the Roman Empire? / T.D. Barnes // Phoenix. – 1974. – Vol. 28. – P. 439 – 488.
7. Штаерман, Е.М. От гражданина к подданному / Е.М. Штаерман // Культура Древнего Рима: в 2-х т. – М.: Наука, 1985. – Т. 1. – С. 22 – 105.
8. Hopkins, K. Conquerors and Slaves: Sociological Studies in Roman History / К. Hopkins. – Vol. 1 – 2. – Cambridge; L.; N. Y.; Melbourne, 1978. – 298 p.
9. Токмаков, В.Н. Воспитание воина и гражданина в Раннем Риме / В.Н. Токмаков // Антиковедение в системе современного образования: материалы конф. – М.: ИВИ РАН, 2003. – С. 93 – 96.
10. Ферреро, Г. Величие и падение Рима: в 2-х т. / Г. Ферреро; пер. с итал. – СПб.: Наука, 1998. – Т. 2. – 747 с.
11. Moore, R.L. The art of command: The roman army general and his troops, 135 BC – 138 AD: A dissertation ... of Doctor of Philosophy (Classical Studies) / R.L. Moore. – The University of Michigan, 2002. – 246 s.
12. Demandt, A. Das Privatleben der romischen Kaiser / A. Demandt. – Munchen: Beck, 1997. – 308 s.
13. Campbell, J.B. The Emperor and the Roman Army: 31 BC – AD 235 / J.B. Campbell. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – XIX, 468 p.
14. Крист, К. История времен римских императоров от Августа до Константина: в 2-х т. / К. Крист; пер. с нем. – Ростов-н/Д: Феникс, 1997. – Т. 1. – 576 с.
15. Finley, M. Politics in the Ancient World / M. Finley. – Cambridge: Cambridge UP, 1983. – 346 p.
16. Oakley, S.R. Single combat in the Roman Republic / S.R. Oakley // Classical quarterly. – 1985. – Vol. 35. – P. 392 – 410.
17. Wiedemann, Th. Single combat and being Roman / Th. Wiedemann // Ancient Society. – 1996. – Vol. 27. – P. 91 – 103.
18. Махлаюк, А.В. Традиции, ментальность и идеология римской императорской армии: дис. ... д-ра ист. наук / А.В. Махлаюк. – Нижний Новгород, 2004. – 563 с.

Поступила 16.06.2011

THE COMMANDER AND ITS ARMY: MILITARY LEADERSHIP IN ANCIENT ROME (LATE REPUBLIC – EARLY EMPIRE)

S. TELEPEN

Article is devoted the analysis of military leadership in Ancient Rome as welfare phenomenon. In work mechanisms of functioning of the given form of influence of the commander on its army are investigated. Opinions of the scientists investigating the given problem, on the maintenance and character of the Roman control system by an army, vocational training and selection of representatives notables for advancement on command posts are resulted. The special attention is given to such phenomenon, as a personal example of the commander. The conclusion that in the Roman army the personal example of the commander always concerned the major and most an effective remedy of maintenance of military leadership is formulated. The susceptibility of soldiers to such behaviour of the emperor and, accordingly, practical effectiveness of this means was based first of all that the military leader in this case directly appealed to feeling of honour of the soldiers, making active spirit of competitiveness inherent in them, achieving selflessness of soldiers in the most difficult situations.